

УДК 930

**ПАМЯТЬ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
МЕЖДУ ОПЫТОМ И НАРРАТИВОМ**

© 2018 г.

Ф.В. Николаи

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Н. Новгород

fvnik@list.ru

Поступила в редакцию 29.06.2018

Представлен краткий обзор современных исследований памяти о Первой мировой войне в англоязычной историографии. Одним из доминирующих трендов представляется стремление к совместной проработке прошлого – диалогу с сообществами комбатантов и художников, фотографов и архитекторов, писателей и родственников погибших. Цель этого диалога – поддержание баланса и одновременно смыслового напряжения между историей и памятью.

Ключевые слова: культурная память, нарратив, проблемы репрезентации, исторический опыт, политика памяти, Первая мировая война.

В центре исторической памяти современного российского общества находится Вторая мировая война. В Европе культурная память гораздо более децентрализована: в Германии она во многом связана с Холокостом, во Франции – с наследием революции конца XVIII в., в Великобритании – с переосмыслением имперского наследия и социальных конфликтов эпохи модерна. Одновременно огромную роль для всех этих стран играет память о Первой мировой (Великой) войне, 100-летний юбилей которой спровоцировал издание огромного количества книг, появление новых экспозиций, мемориальных проектов и т.д.

О противостоянии героической и трагической стратегий коммеморации много написано [1, 2]. Однако бинарное противопоставление микро- и макроуровня, героического и трагического, опыта и репрезентации далеко не всегда продуктивно. Сегодня интерес исследователей все чаще вызывает гибкая дифференциация практик коммеморации среднего уровня и феноменологическое исследование гибридных форм работы памяти [3]. При этом проблематика языка коммеморации играет все большую роль [4–6].

В частности, об этом свидетельствуют две коллективные монографии под редакцией Джулиана Уолкера и Кристофера Деклерка из Лондона, изданные по итогам одноименной конференции «Языки Первой мировой войны», которую в июне 2014 г. провели Университет Антверпена и Британская библиотека. Первая из них имеет подзаголовок «Репрезентация и память», вторая – «Устанавливая коммуникации в транснациональной войне» [7, 8]. Множество сюжетов, рассматриваемых в этих изданиях,

можно поделить на несколько групп: проблемы коммуникации в войсках (между французами и англичанами, в многонациональной армии Австро-Венгрии, между европейскими офицерами и солдатами колониальных частей); языковые практики на фронте (разговорники, сленг, юмор, язык переписки с родными, круг чтения и т.д.); государственная политика в языковой сфере (цензура, языковая политика в условиях оккупации, попытка использовать сепаратистские националистические движения); милитаризация «домашнего фронта».

Отдельно стоит отметить преобладающую во второй части проблему репрезентации военного опыта в литературе, дневниках и воспоминаниях комбатантов, беженцев, родственников погибших. При этом если в современных дебатах о политике памяти в основном обсуждается то, как «язык мобилизует прошлое в интересах настоящего» [9, р. 237], то актуальным для авторов сборника «Устанавливая коммуникации в транснациональной войне» представляется скорее обратный процесс: сохранение отпечатков фронтового опыта в языке, который мы используем до сих пор. С этой точки зрения, практики коммеморации – это активный двусторонний процесс, в который люди вовлечены как интенционально, так и неосознанно, а следовательно, требующий серьезной саморефлексии.

Особенно интересны для историков разделы сборников, посвященные письмам и дневникам эпохи Первой мировой войны. Так, например, в статье профессора Хилари Фугит из университета Рединга рассматриваются письма индийских солдат 1914–1918 гг., оказавшихся на Западном фронте. В центре внимания автора оказывается деятельность связанных с цензурой

переводчиков, которые должны были проверять переписку почти 140 тысяч военнослужащих с их семьями, ведущуюся на 7 языках (в среднем 10 тысяч писем в неделю отправлялось на фронт и 20 тысяч обратно). Цензура при этом предполагала не просто запрет на разглашение военных данных, но и «контроль боевого духа, морали», а также профилактику «антивоенных сантиментов» [10, р. 115]. Переводы сопровождалось составлением глоссариев, комментариями, рекомендациями офицерам соответствующих частей, докладными записками начальству, обсуждением возможных последствий войны для Индии, то есть представляли собой масштабную «культурную медиацию», контроль и производство смыслов одновременно.

С другой стороны, солдаты, которых беспокоил этот контроль, активно разрабатывали символические коды уклонения от него: использовали локальный фольклор и поэзию, метафоры и инсказанья, а также просто передавали письма через французов или гражданское население, чтобы обойти цензуру. Такая двусторонняя активность, существенно менявшаяся на протяжении войны и сильно зависевшая от ситуации, позволяет Х. Футит отстаивать тезис о «культурной гибридности» Первой мировой войны. Благодаря пролиферации практик письма и тактик субъективации война стала крупнейшей машиной производства гетерогенных стратегий описания военного опыта и придания ему значения.

Насколько индивидуальными или коллективными были эти стратегии? Этот вопрос рассматривает Доминик Дендувен из университета Антверпена в своей статье, посвященной дневнику католического священника Ахила ван Валлегема, который провел всю Первую мировую войну около Ипра, в нескольких километрах от линии фронта. Вместе с другими пасторами и военными капелланами он оказался посредником в постоянных переговорах между гражданским населением Западной Фландрии и многочисленными воинскими частями (бельгийскими, французскими, британскими, англо-канадскими, франко-канадскими) [11, р. 44], между гражданской и военной администрацией, офицерами и солдатами разных соединений. Ситуативность этих переговоров, возникающих проблем и их решений, с одной стороны, способствовала пролиферации субъективных тактик их участников. С другой – повторяющиеся схемы взаимодействий и прагматика выживания требовали определенной устойчивости, поддержания сложившихся связей и солидарности. И вербальная коммуникация составляла принципиально важную часть этого двустороннего процесса взаимодействия.

В работе «По ту сторону слов: язык коммеморации от Первой мировой войны до современности» (2017) профессор Йельского университета Джей Уинтер отстаивает тезис о том, что язык выступает принципиально важной *рамкой памяти*: «Наши представления о войне – это всегда опосредованные знания и впечатления. Сама война – собственно убийства, то, что Уолт Уитман называет “кровавым делом”, – находится за рамками нашего понимания. Чтобы разглядеть ее, нам нужны линзы, позволяющие отфильтровать часть ее ужасающего и слепящего света. <...> Каждый язык формирует собственный лексикон войны и содержит следы фронтового опыта. Другие линзы предлагают языки искусства – скульптуры, живописи, фотографии и кино. Все они предлагают опосредованные образы, которые вместе с вербальным языком формируют то, что Ян и Алейда Ассман называют “культурной памятью” о войне» [12, р. 1]. Книга Уинтера посвящена анализу этих языков, значение которых в XX в. резко выросло и стало в настоящее время в большей степени определять общественное/историческое сознание, чем тексты [13]. Эти языки во многом зависят от специфики медиумов: живописи, фотографии, кино и поэзии, которым посвящена первая часть книги. Интересуют исследователя и повторяющиеся в этих языках метафоры – сакральность жертв (мучеников, «превращающихся в победителей во Христе» [12, р. 136]), молчание, символика траура.

Ключевыми трендами в разных формах искусства XX в. стали рост нефигуративных образов, спад реализма, включение солдат в разряд жертв. При этом важно подчеркнуть, что язык сохраняет прямую преемственность с фронтовым опытом (в качестве примера Уинтер прослеживает влияние Отто Дикса на военную живопись, а поэтов «потерянного поколения» – на литературу XX в.) и меняется в зависимости от характера войны. Особенно подробно исследователь доказывает этот тезис во второй (пожалуй, наиболее интересной) главе – «Фотографируя войну: солдатские фотографии и революция насилия после 1914 г.». Как известно, участники Первой мировой впервые в истории в массовом порядке фотографировали своими камерами (фотоаппарат «Кодак» стоил в то время 1 доллар). Цензура этих снимков формировалась не столько «сверху», со стороны официальных военных органов (больше озабоченных письмами и газетами на фронте), сколько исходя из собственных моральных соображений. Быстро распространившийся запрет на фотографирование страданий и смерти своих товарищей («социальный контракт» – признание общей природы че-

ловеческих страданий) определил канон («студиум», в терминологии Р. Барта [14]) военной фотографии XX в. Подобная самоцензура и появление устойчивых схем сигнификации позволяет Уинтеру отстаивать тезис о том, что фотография как медиум представляет собой не просто след прошлого, но именно *язык*.

Важным трендом военной фотографии стало также внимание к гражданским жертвам войны. В частности, Уинтер рассматривает снимки немецкого военного медика Армина Вегнера, ставшего свидетелем геноцида армян в Турции и использовавшего фотографии (в том числе чужие) как средство мобилизации общественного мнения в поддержку беженцев. Различие политических и антропологических целей фотографии постоянно оказывается под вопросом, показательным примером чего Уинтер считает снимки венского военного врача Барнарда Бардаха с восточного фронта. Бардах много снимал еврейских беженцев (нищих, непривлекательных «остюден») в Австро-Венгрии, выстраивая эстетическую дистанцию в отношении них для укрепления собственной (просвещенной, секулярной, «немецкой») идентичности служащего Рейха. По мнению Уинтера, «пунктум» (укол, рана) фронтовой фотографии, максимально отражающий изменения характера войны, всегда лишь условно противопоставляется конвенциональному «студиуму» (привычной репрезентации). Исторически их соотношение быстро меняется: благодаря фотографиям Первой мировой беженцы из «пунктума» вошли в пространство «студиума».

Другим предельно важным трендом репрезентации войны в XX в. стало, по мнению Уинтера, маятниковое движение киноязыка – от метафорического к метонимическому. Исследователь выделяет 3 периода развития военного кинематографа: немое кино до начала 1930-х гг., когда отсутствие звука заставляло режиссеров активно использовать метафоры; склонные к реализму фильмы о Второй мировой, преобладавшие до середины 1970-х (где реалистичность деталей метонимически подменяла картину войны в целом); возвращение к метафорической линии и критика героического нарратива (признание неконтролируемости войны и амбивалентности ее героев) в фильмах о Вьетнаме и Гоа. «В каждом из этих периодов истории военного кино, создатели фильмов действовали в одном из двух регистров (или комбинируя их) – спектакулярного, прямого подхода, с одной стороны, либо косвенного [метафорического] – с другой. Иными словами, ряд фильмов были метонимическими в своем стремлении правдиво изобразить часть некоего целого; а другие – метафо-

рическими, апеллируя к иной реальности, лежащей по ту сторону рамок медиума» [12, p. 73].

С этой точки зрения, молчание комбатантов также сохраняет непосредственную преемственность с войной и выступает одновременно метафорическим средством проблематизации ее последствий, выстраивает дистанцию по отношению к фронтовому опыту. По мнению Уинтера, оно тоже оказывается «языком» – «системой перформативных невербальных актов» [12, p. 73]. Молчание может по-разному менять окружающий мир: две минуты молчания в память о погибших в Первой мировой войне в Англии и политика замалчивания преступлений Пиночета в Чили выполняют разные коммуникативные функции. Чтобы разделить эти типы молчания, необходим перевод их на другие языки, в том числе языки искусства.

Таким образом, общей установкой книги Д. Уинтера и перечисленных выше коллективных монографий представляется стремление к проработке прошлого – диалогу с сообществами комбатантов и художников, фотографов и архитекторов, писателей и родственников погибших. Цель этого диалога – поддержание баланса и одновременно смыслового напряжения между историей и памятью. Первая склонна редуцировать знание о прошлом к ценностно нейтральной информации; вторая постоянно скатывается к неоправданной морализации. Использование разных языков и обозначение проблем перевода между ними помогает избежать указанных крайностей. В такой ситуации исследователь оказывается не просто отстраненным экспертом. Предлагаемая им косвенная референция позволяет проблематизировать форму репрезентации и воспроизводство исторического опыта.

Список литературы

1. Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. 2007. № 21. С. 5–21.
2. Ушакин С. Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 603–639.
3. Уинтер Д. Война, память, воспоминание // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 5–15.
4. *Beyond Memory: Silence and the Aesthetics of Remembrance* / Ed. by A. Dessingué, J. Winter. Abingdon, N.Y.: Routledge, 2016. 232 p.
5. Hynes S. *On War and Writing*. University of Chicago Press, 2018. 224 p.
6. Walker J. *Words and the First World War: Language, Memory, Vocabulary*. L., N.Y.: Bloomsbury Academic, 2017. 416 p.
7. *Languages and the First World War: Communicating in a Transnational War* / Ed. by J. Walker, C. Declercq. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 279 p.

8. Languages and the First World War: Representation and Memory / Ed. by J. Walker, C. Declercq. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 256 p.

9. Wilson R.J. Still Talking about the First World War in Britain, 1914–2014 // Languages and the First World War: Representation and Memory / Ed. by J. Walker, C. Declercq. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. P. 237–248.

10. Footitt H. Poetry, Parables and Codes: Translating the Letters of Indian Soldiers // Languages and the First World War: Communicating in a Transnational War / Ed. by J. Walker, C. Declercq. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. P. 115–127.

11. Dendooven D. 'Fake Belgium': Linguistic Issues in the Diary of Father Achiel Van Walleghem (1914–1919) // Languages and the First World War: Representation and Memory / Ed. by J. Walker, C. Declercq. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. P. 43–53.

12. Winter J. War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2017. 234 p.

13. Bourke J. War and Art: A Visual History of Modern Conflict. Reaktion Books, 2017. 400 p.

14. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / Пер. М. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997. 222 с.

MEMORY OF THE FIRST WORLD WAR IN CONTEMPORARY ENGLISH HISTORIOGRAPHY: BETWEEN EXPERIENCE AND NARRATIVE

F. V. Nikolai

The article proposes a brief review of contemporary memory studies of the First World War in English historiography. One of the dominant trends is a detailed study of the past by involving into a dialogue the communities of combatants and artists, photographers and architects, writers and relatives of the fallen soldiers. The aim of this dialogue is to maintain a balance and a semantic tension between history and memory.

Keywords: cultural memory, narrative, problems of representation, historical experience, politics of memory, First World War.

References

1. Repina L.P. Pamyat' i znanie o proshlom v strukture identichnosti // Dialog so vremenem. 2007. № 21. S. 5–21.

2. Ushakin S. Vmesto utraty: materializaciya pamyati i germenevtika boli v provincial'noj Rossii // Ab Imperio. 2004. № 4. S. 603–639.

3. Uinter D. Vojna, pamyat', vospominanie // Dialog so vremenem. 2016. № 56. S. 5–15.

4. Beyond Memory: Silence and the Aesthetics of Remembrance / Ed. by A. Dessingué, J. Winter. Abingdon, N.Y.: Routledge, 2016. 232 p.

5. Hynes S. On War and Writing. University of Chicago Press, 2018. 224 p.

6. Walker J. Words and the First World War: Language, Memory, Vocabulary. L., N.Y.: Bloomsbury Academic, 2017. 416 p.

7. Languages and the First World War: Communicating in a Transnational War / Ed. by J. Walker, C. Declercq. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 279 p.

8. Languages and the First World War: Representation and Memory / Ed. by J. Walker, C. Declercq. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 256 p.

9. Wilson R.J. Still Talking about the First World War in Britain, 1914–2014 // Languages and the First World War: Representation and Memory / Ed. by J. Walker, C. Declercq. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. P. 237–248.

10. Footitt H. Poetry, Parables and Codes: Translating the Letters of Indian Soldiers // Languages and the First World War: Communicating in a Transnational War / Ed. by J. Walker, C. Declercq. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. P. 115–127.

11. Dendooven D. 'Fake Belgium': Linguistic Issues in the Diary of Father Achiel Van Walleghem (1914–1919) // Languages and the First World War: Representation and Memory / Ed. by J. Walker, C. Declercq. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. P. 43–53.

12. Winter J. War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2017. 234 p.

13. Bourke J. War and Art: A Visual History of Modern Conflict. Reaktion Books, 2017. 400 p.

14. Bart R. Camera lucida. Kommentarij k fotografii / Per. M. Ryklina. M.: Ad Marginem, 1997. 222 s.